

ДИАНА ЛАГА

АНГЕЛ И ДЬЯВОЛ ДЛЯ КАРОЛИНЫ

Когда выбор невозможен

18+

Диана Лага

Ангел и Дьявол для Каролины

«Автор»

2026

Лага Д.

Ангел и Дьявол для Каролины / Д. Лага — «Автор», 2026

Успешная и независимая Бизнесвумен Карониа Сапарк. Два совершенно разных мужчины. Лёд и пламя, север и юг. Дэниел Грем – из её мира крупных сделок и дорогого парфюма. Успешный архитектор, владелец собственной компании. Холодный и уверенный в себе. Грегори Ривз – из мира обывателей и романтиков. Музыкант в блюз-трио, весёлый и настоящий. Не просто не возможность выбрать, а полное отсутствие желания выбирать. Каролина хочет быть с обоими и не принадлежать ни одному из них. Но за её выстроенным планом тройных отношений стоит то, что может всё разрушить. Тайна, связь... Сможет ли она удержать равновесие или сделает выбор? Не ждите счастливый финал! Его не будет. И от этого история острее и живее!

© Лага Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Нужно ли выбирать?	5
Глава 1. Мистер Дьявол.	7
Глава 2. Господин Ангел.	14
Глава 3. Тонкая Грань.	22
Глава 4. Добровольный Плен.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Диана Лага

Ангел и Дьявол для Каролины

Пролог. Нужно ли выбирать?

Кабинет Каролины Спаркс был похож на изысканный коктейль — смесь строгого профессионализма и тёплой, почти домашней утончённости. Здесь, на сороковом этаже башни с видом на весь Манхэттен, воздух был пропитан ароматами старых книг, дорогого дерева с едва уловимыми нотами жасмина — её любимых духов.

Полки вдоль стен ломились от каталогов по архитектуре: Ле Корбюзье, Заха Хадид, Норман Фостер — их переплёты, как стражи порядка, стояли ровными рядами. Рядом — книги по маркетингу и психологии продаж, а также коллекционные издания об искусстве, подаренные клиентами. Но взгляд неизменно цеплялся за виниловую коллекцию в углу — наследие отца, страстного меломана. Пластинки The Beatles, Эллы Фицджеральд, Дэвида Боуи, аккуратно рассортированные по жанрам и годам. Над ними, как алтарь, стоял винтажный проигрыватель Thorens TD 124 — подарок на двадцатилетие. Отец говорил: «Музыка, как и недвижимость, — это инвестиция в эмоции».

В центре кабинета, на персидском ковре с витиеватыми узорами, стоял широкий стол из матового венге. Минимализм в каждой детали. На нём нашли свой приют: ноутбук с позолоченным логотипом, смартфон в кожаном чехле, стройные папки с договорами, помеченными цветными стикерами, ручка Parker Sonnet — подарок первой крупной сделки и песочные часы с чёрным кварцем — символ её философии: «Время — единственная валюта, которую нельзя купить».

Каролина стояла босиком, ощущая под пальцами прохладу шерсти ковра. Её деловой костюм — тёмно-бордовый, с игольчатыми плечами — контрастировал с этой маленькой вольностью. Она позволяла себе ходить без обуви только здесь, в святая святых. За порогом кабинета ждали лаковые лодочки на шпильке — доспехи для битв в строгих кабинетах.

А за окном... Город просыпался. Такси, жёлтые, как спелые лимоны, шныряли между небоскрёбами. Офисные работники спешили, спотыкаясь о собственные тени. Где-то там, в этом хаосе, жили два мужчины, подарившие ей две истории, два обещания счастья.

На столе, рядом с песочными часами, лежали два подарка. Такие же разные, как и мужчины, что их преподнесли ей.

Первое издание «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд, 1957 год. Тёмно-синий кожаный переплёт с золотым тиснением, почти не тронутый временем. Шёлковое ляссе — цвета стали, как глаза Дэниела Грэма. От книги веяло старой бумагой, натуральной кожей и капелькой бергамота.

Рядом был второй дар — оригинальный винил Фрэнка Синатры «Songs for Swingin' Lovers!» (Capitol Records, 1956). Конверт с ретро-иллюстрацией — парочка, танцующая под луной. Внутри — засушенная роза, вложенная между пластинкой и конвертом. Лёгкий аромат кофе и цитруса — его аромат, Грегори Ривза.

Каролина провела пальцем по золотому тиснению книги, в памяти всплыли картины. Губы Дэниела на её шее, горячие, требовательные, его сильные руки, вжимающие её ладони в прохладу простыней...

Она коснулась конверта и будто почувствовала нежность пальцев Грегори, что неспешно скользили по её спине от шеи вниз, сладость его поцелуев на губах с привкусом клубники, которой он кормил её в постели, напевая на ухо какую-то мелодию...

Два разных мир, двое разных мужчин, как закат и рассвет. И оба принадлежали ей. Но она не желала принадлежать ни одному из них, и страстно хотела владеть ими обоими. И в последние недели ей это удавалось...

Глава 1. Мистер Дьявол.

Несколько дней назад.

Кабинет Дэниела Грэма был храмом точности — место, где воздух казался отфильтрованным от любых излишеств. Широкие окна от пола до потолка открывали вид на Манхэттен, раскинувшийся внизу, как чертёж, воплощённый в жизнь. Стены, обшитые тёмным дубом, хранили молчаливую роскошь, а на одной из них висел эскиз его последнего творения — небоскрёба «Augur», обрамлённый в матовый алюминий. Массивный стол из чёрного венге стоял безупречно ровно, без единой бумаги не на своём месте.

Именно здесь, в этом кабинете, где даже тишина казалась выверенной, Каролина Спаркс нарушила порядок.

Она вошла без стука — резким движением распахнув дверь, словно бросая вызов самой атмосфере этого места. Её рыжие волосы, собранные в низкий пучок, не шелохнулись, а изумрудные серьги холодно сверкнули. Чёрно-зелёное платье-футляр облегло фигуру, как вторая кожа, а каблук стучал по полу с такой чёткостью, будто отбивали такт её уверенности.

Дэниел не встал.

Он сидел за своим столом, застывший, как один из своих проектов — безупречный, холодный, выточенный из мрамора и стали. Тёмно-синий костюм подчёркивал широкие плечи, безупречная белая рубашка оттеняла загорелую кожу, а иссиня-чёрный галстук делал его серые глаза ещё пронзительнее. Его пальцы, длинные и уверенные, лежали перед ним, сложенные в замок.

— Мисс Спаркс. — Его голос был ровным, как линия горизонта. — Ваш клиент хочет пентхаус в «Augur» за восемнадцать миллионов. Я сказал — двадцать два. Вы пришли, чтобы повторить его ошибку?

Она улыбнулась — губы тронула лишь лёгкая тень насмешки.

— Я пришла объяснить, почему ваш ценник — это грабёж среди бела дня. — Она опустила папку на стол, небрежно, но так, чтобы он видел логотип её компании. — Ваши «эксклюзивные материалы» — это итальянский мрамор, а не лунный камень.

Переговоры о сделке тянулись уже две недели. От пересылок секретарям правок в договор и требований, до встреч в конференц-залах то на территории «Спаркс Инк», то во владениях «Грэм Индастрис». И с каждой новой встречей лицом к лицу, интерес Каролины к мистеру Грему возрастал. То ли ей хотелось его растоптать за упорство и холодность, за то, как спокойно и невозмутимо он себя ведёт, когда ей уже хочется снять туфлю стучать по столу, доказывая свою правоту. То ли ей хотелось заглянуть дальше корпоративного эго этого серо-глазого бизнесмена.

Дэниел не моргнул. Его палец медленно постукивал по столу — ровно, как метроном.

— Вы забыли про вид. И про то, что каждая дверь в этом здании — ручная работа.

Каролина раскрыла папку. Её ногти, тёмно-бордовые, как спелая вишня, скользнули по бумагам.

— Вид есть и в «Monadnock» за пятнадцать. А двери... — Она задержала взгляд на нём. — Дэниел, не заставляйте меня смеяться. Мы оба знаем, что ваш подрядчик экономит на петлях.

Тишина.

За окном город гудел, но здесь, в этом кабинете, время будто замерло.

Дэниел слегка наклонился вперёд — первый признак того, что его безупречный контроль дал микроскопическую трещину.

— Вы провели исследование. Но забыли главное — «Augur» будет в каждом списке «ТОП-10 Нью-Йорка». А ваш клиент хочет не дом — место в истории.

Она взяла его карандаш — тот самый, что лежал на столе, — и медленно провертела его в пальцах.

— История — это когда платят один раз. А он хочет ещё и не разориться.

Дэниел заметил, как уверенно её пальцы сжимали карандаш. Это не было случайностью.

— Значит, он не ваш уровень. Жаль.

Она положила карандаш обратно — ровно на то же место, откуда взяла.

— Мой уровень — это когда я выжимаю скидку даже из вас.

Их взгляды скрестились, как клинки.

Дэниел откинулся на спинку стула, приняв более расслабленную, но при этом всё ещё властную позу.

— Переговоры зашли в тупик. Давайте сменим обстановку. — Его голос приобрёл лёгкую хрипотцу. — Ужин. «Le Grenouille». Сегодня. Восемь вечера.

Каролина медленно собрала папку.

— Дэниел, не надейтесь. В ресторане я буду так же непреклонна, как и здесь.

Он поправил запонку — крошечный, почти незаметный жест, но она уловила его.

— Я не надеюсь. Я знаю, что вы придёте.

Она уже была у двери, её рука лежала на медной ручке.

— Потому что?

Дэниел улыбнулся — впервые за весь разговор.

— Любопытство.

Каролина не обернулась.

— Место битвы — ваше. Но правила — мои.

Дверь за ней закрылась.

Где-то за окном город продолжал жить, но здесь, в этом кабинете, что-то уже изменилось.

Ресторан встретил их мягким светом хрустальных люстр, отражающимся в позолоченных зеркалах. Стены, обитые тёмно-бордовым бархатом, создавали ощущение приватности, а низкие потолки с лепниной в стиле ар-деко напоминали о старом Нью-Йорке — том, что существовал задолго до стеклянных небоскребов.

Их столик стоял у окна, затянутого тяжёлыми шторами с золотой вышивкой. На столе — белоснежная скатерть, хрустальные бокалы, уже наполненные вином, и букет калл в тон интерьеру. Официант в безупречном смокинге скользил между столиками с той же грацией, с какой Дэниел вел переговоры — без лишних движений, но с абсолютной уверенностью в каждом жесте.

Он уже ждал её, когда она вошла.

Дэниел сидел, откинувшись на спинку стула, его пальцы слегка постукивали по краю стола. На нём уже был другой костюм. В отличие от дневного, сейчас на нем был тёмно-серый пиджак, галстук отсутствовал, верхняя пуговица светло-серой рубашки была расстёгнута. Он выглядел так, будто даже в этом ресторане, где каждый второй гость пытался произвести впечатление, он был здесь единственным, кому не нужно было ничего доказывать. Непринуждённо, но стиль, расслабленно, но властно.

Каролина позволила себе секунду рассмотреть его — в вечернем свете его черты казались резче, а серые глаза — ещё холоднее. Но когда он поднял глаза и встретился с ней взглядом, в них промелькнуло что-то живое — почти неуловимое, но настоящее.

— Вы опоздали на семь минут, — сказал он, но в его голосе не было раздражения.

— Это ещё не рекорд, — она села напротив, поправив складки своего платья — тёмно-зеленого, такого же глубокого, как цвет моря перед штормом.

— Я уже заказал. Надеюсь, вы доверитесь моему выбору.

Она приподняла бровь.

— А если мне придётся не по вкусу то, что вы выбрали, мистер Грэм?

— Тогда вам придется солгать и сказать, что всё восхитительно.
Уголок её губ дрогнул.

Они говорили о пустяках — о выставке в Метрополитен-музее, о том, как изменился город за последние десять лет. Казалось, это была всего лишь светская беседа, но в каждом его слове, в каждом взгляде сквозило что-то большее. Он не пытался впечатлить её рассказами о своих успехах или отпустить колкость, чтобы проверить её на прочность. Он просто был собой — и в этой уверенности, в этой естественности было что-то, что заставляло её прислушиваться к каждому его слову.

Она ловила себя на том, что следит за движением его рук, за тем, как он на секунду задумывается, прежде чем ответить, за тем, как его голос звучит чуть тише, когда он говорит о чем-то, что его действительно интересует.

И он видел это.

Видел, как её поза становится чуть свободнее, как в её глазах загорается огонёк любопытства, когда он упоминает книгу, которую она не читала, или место, где она не была.

Но ни один из них не спешил признаваться в этом вслух.

Пока что им было достаточно этой игры — тихой, почти незаметной для постороннего глаза, но такой ощутимой для них обоих.

Вино в бокалах постепенно убывало, свечи на столе догорали, а за окнами Нью-Йорк сиял, как драгоценность в бархатной шкатулке.

И что-то между ними уже изменилось — без слов, без жестов, просто потому, что иногда достаточно одного вечера, чтобы понять, что игра только начинается.

— Ещё хотите вернуться к обсуждению сделки, мисс Спаркс?

Его голос звучал ровно, будто он спрашивал о чём-то совершенно обыденном — о погоде, о вине, о последних новостях. Но в глубине этих слов таилось нечто большее.

Каролина медленно подняла глаза, встречая его взгляд. Он сидел напротив, расслабленный, но в его позе чувствовалась скрытая напряжённость — как у хищника, готового к прыжку. Она не спешила с ответом, давая себе время оценить его.

— А чего хотите вы, мистер Грэм?

Её голос был таким же спокойным, но в нём сквозила лёгкая насмешка — вызов, который она бросала ему.

Дэниел чуть наклонил голову набок, и в этот момент в его глазах вспыхнуло что-то тёмное, горячее, что-то, что не имело ничего общего с холодной логикой переговоров.

— Я хочу вас. Прямо сейчас.

Он не повысил голос, не изменил интонацию. Эти слова прозвучали так же просто, как если бы он сказал «я хочу кофе». Но в них не было места сомнениям.

Каролина не шевельнулась. Она лишь слегка прикусила губу, ощущая, как по её спине пробежал горячий трепет.

— Тогда вам стоит попросить счёт, мистер Грэм.

Он легко улыбнулся — одним уголком рта, так, что тень этой улыбки скользнула по его лицу, как молния по ночному небу.

Не говоря ни слова, он поднял руку, ловя взгляд официанта.

И в этот момент между ними повисло нечто большее, чем просто согласие.

Это было начало.

Дверь пентхауса открылась беззвучно, будто и сама не решалась нарушить тишину. Дэниел шагнул в сторону, пропуская Каролину вперёд, его жест был одновременно приглашением и молчаливым вызовом.

Она переступила порог, и первое, что встретило её, была прохлада белоснежного пространства. Прихожая — минималистичная, почти аскетичная: несколько матовых крючков на стене, узкая полка для обуви, встроенная так, что казалась частью самой стены. Ничего лиш-

него. Ни одной детали, которая могла бы рассказать что-то о хозяине. Каролина наклонилась, лёгким движением освободив ноги от туфель, и босые ступни коснулись полированного бетонного пола. Холодок пробежал по коже, заставив её слегка вздрогнуть — но не от дискомфорта, а от осознания, что здесь, в этом пространстве, все было таким же чётким и продуманным, как сам Дэниел.

Он щелкнул выключателем, и свет мягко разлился по гостиной, открывшейся за прихожей.

Пространство.

Комната дышала холодной элегантностью. Справа — кухня с массивным островом из чёрного мрамора, начищенного до зеркального блеска. В центре — низкий диван, развернутый сиденьями в обе стороны, будто предлагая выбор: смотреть на город или отворачиваться от него. Но главное — окно. Вернее, даже не окно, а вся стена, превращённая в единую стеклянную панель, за которой лежал ночной Нью-Йорк, сверкающий миллионами огней, как рассыпанные драгоценности на чёрном бархате.

Каролина двинулась вперёд, обходя диван, её платье слегка шуршало по полу. Она не оглядывалась, но чувствовала его присутствие за спиной — тяжёлое, неспешное, как дыхание спящего хищника.

Пока она шла, Дэниел снимал пиджак. Одно плавное движение — и тёмная ткань мягко упала на спинку дивана. Затем запонки — он вынул их из манжет, не торопясь, и сунул в карман брюк. Его пальцы нашли верхнюю пуговицу рубашки.

Он расстёгивал их сверху вниз, методично, без спешки. Каждая пуговица освобождала новый участок кожи — сначала ключицы, затем грудь, плоский живот. Когда дошел до пояса, он слегка дернул рубашку, вытаскивая заправленные полы, и последние две пуговицы были также методично расстёгнуты.

Каролина подошла вплотную к окну. За стеклом город жил, дышал, мерцал — но здесь, в этой комнате, время словно замедлилось. Она видела его отражение в стекле: высокое, полуобнаженное, приближающееся.

Ещё один шаг — и он был прямо за ней.

Он сбросил рубашку.

Ткань скользнула по его плечам, упала на пол беззвучно, как тень. Теперь их разделял лишь шаг — и тончайшая нить напряжения, натянутая между ними так сильно, что, казалось, её можно было услышать.

В отражении окна их взгляды встретились.

Город горел внизу.

А они стояли на краю.

В зеркальной глади оконного стекла их силуэты сливались воедино — её стройная фигура в облегающем платье и его мощный полуобнаженный торс, освещённый мерцанием городских огней. Каролина почувствовала, как внутри всё сжалось в сладком предвкушении, когда увидела в отражении, как он делает последний решительный шаг.

Его рука скользнула по её талии с властной нежностью, пальцы впились в тонкую ткань платья, ощущая под ней трепет мышц. Медленно, с хищной грацией, ладонь поползла вверх, к животу, и сильным движением притянула её к себе. Она ощутила, как её спина прижалась к его горячей груди, каждый мускул которого напрягся, как тетива лука перед выстрелом.

Вторая рука взметнулась к её шее — уверенные пальцы запутались в рыжих локонах, отводя их с такой естественной легкостью, будто знали каждую прядь наизусть. Каролина непроизвольно подалась вперёд, её голова склонилась в покорной дуге, обнажая нежную линию шеи — бледную, как лунный свет, и такую уязвимую.

Его дыхание обожгло кожу за секунду до того, как губы коснулись её. Первый поцелуй упал чуть ниже уха — горячий, влажный, заставляющий колени дрожать. Потом они поползли

вниз, выписывая замысловатые узоры по чувствительной коже, чтобы вновь подняться вниз, к мочке уха, оставляя за собой след из мурашек.

Она закрыла глаза, вцепившись пальцами в ткань платья, когда его язык обрисовал контур её уха. Внизу, под ними, город продолжал жить – машины ползли, как светлячки, небо-скребы сверкали холодными огнями. Но здесь, в этом высоком убежище, существовали только они – его твёрдое тело, прижимающее её к стеклу, его руки, исследующие каждую линию её фигуры, его губы, выжигающие на коже невидимые письма желания.

Каждое прикосновение было одновременно страстным и требовательным, словно он знал её тело лучше, чем она сама. Его зубы слегка сжали мочку уха, заставив её вздохнуть, но звук потерялся в новом поцелуе, который он разместил на биении пульса у неё на шее.

Она чувствовала, как её платье становится тесным, как кровь пульсирует в висках, как всё внутри сжимается в сладком предвкушении. Его руки скользили по её бокам, поднимаясь к груди, а губы продолжали своё медленное, методичное опустошение, превращая каждую клеточку её тела в огонь.

И где-то в последнем уголке сознания Каролина понимала – это только начало.

Его пальцы, только что освободившиеся от шелковистых пленников-локонов, скользили вдоль позвоночника, как опытный музыкант, нащупывающий струны перед исполнением страстной мелодии. Металлическая молния поддалась его настойчивому движению с тихим шипением, обнажая кожу дюйм за дюймом – словно раскрывая драгоценный свиток с тайными письмами. Каждое движение бегунка вниз сопровождалось горячими поцелуями, которые он оставлял на освобождающейся коже, будто ставя печати владения на каждом новом участке этой изысканной территории.

Когда молния достигла предела, он выпрямился с грацией большого кота, и в этом движении было что-то торжественное, как будто он готовился к главному действию церемонии. Его руки, сильные и уверенные, взяли в плен тонкую ткань платья, медленно стягивая её с плеч. Большие пальцы скользили по коже вслед за сползающими лямками, оставляя после себя невидимые следы, которые прожигали сознание. Этот двойной контакт – прохлада освобождающейся кожи и жар его пальцев – заставил её вздохнуть глубже, грудная клетка расширилась в немом приглашении.

Ткань, наконец, потеряла последнюю точку опоры и мягко соскользнула к её ногам, образовав шелковый ореол вокруг лодыжек. Его губы тут же вернулись к своей добыче, теперь уже путешествуя от нежной впадины у основания шеи к округлости плеча, а затем вдоль изгиба руки, каждый поцелуй был как клятва, каждый вдох на её коже, как молитва.

Одна его рука обвила её талию, прижимая к себе так плотно, что она почувствовала каждый мускул его тела через тонкую ткань его брюк. Ладонь легла между грудью и животом, словно пытаясь ощутить бешеный ритм её сердца. Вторая рука, властная и нежная одновременно, повернула её голову, заставив встретиться взглядами в тёмном отражении окна, прежде чем его губы нашли её.

Их первый настоящий поцелуй был как вспышка молнии – внезапный, ослепительный, заряженный накопленным напряжением. Его губы захватили её с первобытной страстью, но в этом движении была и какая-то отчаянная нежность, словно он боялся, что она исчезнет, если не удержит её достаточно крепко. Язык скользнул между её губ, требуя ответа, и она ответила тем же – их дыхание смешалось, став единым горячим вихрем. В этом поцелуе было всё – и обещание, и угроза, и вопрос, и ответ, и бесконечное, бесконечное желание.

Каролина едва успевала осознавать происходящее. Всё, что она знала о Дэниэле — его холодная рассудительность, безупречный контроль, размеренность каждого жеста — рассыпалось в прах под напором его желания. Он был словно другой человек — вернее, настоящий, тот, что скрывался за маской безупречного джентльмена.

Его руки не знали колебаний. Они срывали с неё бельё с такой же уверенностью, с какой он подписывал контракты, но теперь в каждом движении была ярость, нетерпение, почти первобытная жажда. Его пальцы скользили по застёжкам, тонким швам её белья, освобождая её тело с методичной точностью, но без намёка на прежнюю сдержанность. Параллельно он избавлялся от собственной одежды — ремень расстёгнут одним резким движением, брюки сброшены, и вот он уже перед ней, полностью обнажённый, его тело — воплощённая мощь, каждая мышца напряжена, как у хищника перед прыжком.

Он взял её руки и прижал её ладони своими к холодному стеклу. Его грудь прижалась к её спине, горячая, влажная от возбуждения, а дыхание обжигало шею. Она видела — их отражение в окне, слившееся в одно. Её рыжие волосы, раскинувшиеся по плечам, его мощный силуэт, обвивший её, как тень.

Его пальцы проскользили по её рукам, затем по бокам вниз. Они сжали её бёдра, пальцы впились в кожу. Казалось, вся дикая страсть, что скрывалась под его ледяной внешностью, выплеснулась наружу и поглотила Каролину и его самого. Его губы не отпускали её шею, дыхание срывалось, его тело дрожало от напряжения.

Она прижалась лбом к стеклу, её дыхание запотело холодную поверхность. Руки, распластанные по окну, дрожали. Город внизу был слеп к тому, что происходило на этой высоте. Огни, машины, люди — всё смешалось в калейдоскопе, но она уже не видела ничего, кроме их отражения, их тел, слившихся в одном ритме.

Он был как шторм — неудержимый, всепоглощающий. И она тонула в этом урагане, не желая спастись.

Только их дыхание, постепенно выравнивающееся, нарушало покой просторной гостиной. Каролина медленно развернулась, её взгляд скользнул по комнате — диван, на котором висел его пиджак, её одежда, брошенная на пол. Обнажённая фигура Дэниэла, что скрылась за дверью у дальней стены. Каролина улыбнулась, позволив себе секунду на осознание. Теперь можно уходить.

Она наклонилась, подбирая своё платье, и стала одеваться — медленно, с привычной грацией, будто ничего не случилось. Ткань скользила по её коже, ещё чувствительной после его прикосновений, но она не позволяла себе дрожать. Широкие лямки платья легли на плечи, и в этот момент он вернулся.

Дэниэл вошёл так, словно ничего не изменилось — его походка была всё такой же уверенной, взгляд таким же холодным. Только теперь он был без одежды, и это, кажется, нисколько его не смущало. Напротив, он выглядел ещё более властным, ещё более неприступным, будто знал, что его тело — это оружие, и он умеет им пользоваться.

Каролина завела руки за спину, пытаясь поймать бегунок молнии, но платье сопротивлялось, будто издеваясь над её попытками сохранить хладнокровие. Она не моргнула, когда он приблизился, и её голос прозвучал ровно, без дрожи:

— Это ничего не значит. И определённо ничего не меняет.

Он не остановился. Его шаги были размеренными, а голос — таким же спокойным, как если бы они обсуждали погоду:

— Это не значит, что стоит уходить.

Она усмехнулась, всё ещё борясь с молнией.

— Ты что, планировал накормить меня завтраком?

В её тоне была лёгкая надменность, но он не поддался на провокацию.

— И в мыслях не было. Но не обязательно уходить прямо сейчас.

Он подошёл вплотную, и теперь они стояли лицом к лицу. Его серые глаза, холодные, как ледяные озёра, смотрели прямо в её, не позволяя отвести взгляд.

Его руки скользнули по её талии, обхватив её, а пальцы нашли ту самую непослушную молнию. Она инстинктивно опустила руки, позволив ему взять контроль.

Он потянул бегунок вверх, и молния поддалась с лёгким шуршанием. Он застёгивал её медленно, слишком медленно, и его большой палец скользил по её коже там, где вслед за ним смыкались зубцы один за другим — лёгкое, почти невесомое прикосновение, но оно жгло сильнее, чем его поцелуи. Он не отводил взгляд. Когда последний зубец сошёлся, он отпустил ткань и убрал руки. Они всё ещё стояли так близко, что она чувствовала его дыхание на своих губах.

Каролина выдержала его взгляд ещё несколько секунд, стараясь не искать в этих серых глубинах причину остаться. А затем — развернулась и пошла к выходу. Её шаги были спокойными, плечи — прямыми, спина — гордой. Она не оглянулась, не дрогнула, не дала ему ни единого шанса увидеть, что внутри неё бушует буря.

Но он знал. И она знала, что он знает. И игра только начиналась.

Прихожая встретила её прохладной тишиной. Каролина наклонилась, ловко надевая туфли, когда за спиной раздался тот самый голос — бархатистый, с лёгкой хрипотцой, но теперь в нём плескалась капля чего-то нового. Не насмешка, не прежняя холодная уверенность, а игривое, почти кошачье баловство, заставляющее мурашки пробежать по спине.

— Спасибо за приятную компанию за ужином, мисс Спаркс.

Она замерла на мгновение, чувствуя, как эти слова обжигают кожу горячим шёпотом. Затем медленно выпрямилась, поворачиваясь к нему с царственной грацией.

Он стоял в дверном проёме, обнажённый и невозмутимый, плечом прислонившись к косяку. Золотистый свет из гостиной очерчивал каждый рельеф его тела — упругие мышцы пресса, мощную линию бёдер, ту самую опасную грацию хищника, утолившего первый голод. Лёгкая улыбка играла на его губах, и в этом полумраке, с тенью наслаждения в глазах, он выглядел как сам искуситель — прекрасный и невозмутимый в своей дерзости.

«Сам дьявол» — мелькнуло у неё в голове, когда их взгляды скрестились в немом поединке.

Каролина позволила себе последний оценивающий взгляд — медленный, наглый, скользящий по его фигуре с вызывающей откровенностью. Затем, не удостоив ответом, резко развернулась к двери.

Холодный металл ручки под пальцами, лёгкий толчок — и ночной воздух коридора коснулся её разгорячённой кожи.

— До встречи на переговорах, мистер Грэм, — бросила она через плечо, и голос её звучал как отточенная сталь.

Дверь закрылась с тихим щелчком, но эхо их игры ещё долго витало в воздухе — между «до свидания» и «это не конец», между холодом её слов и жаром, оставшимся на её коже.

А он остался стоять в дверном проёме, довольная улыбка играла на его безупречном лице. Партия только началась, и она обещала быть захватывающей. Следующий ход будет за ним.

Глава 2. Господин Ангел.

Солнечный свет, пробивающийся сквозь полупрозрачные шторы, золотистыми бликами скользил по поверхности стола, где лежал нетронутый контракт. Каролина сидела, откинувшись в кресле, босые ноги утопали в мягком ворсе персидского ковра. Пальцы её правой руки бесцельно перелистывали страницы, не задерживаясь на цифрах и пунктах, в то время как левая, словно живя собственной жизнью, то и дело поднималась к шее, касаясь того места, где вчера его губы оставили невидимый след.

Кожа под пальцами казалась горячее обычного, будто пропитанная воспоминаниями о его прикосновениях – настойчивых, властных, лишаящих рассудка. Она закрыла глаза, на мгновение позволив себе погрузиться в эти мысли, но тут же резко отдернула руку, словно обожглась.

«Соберись, дура!» – мысленно прошипела она себе, стиснув зубы.

Слабость была недопустима. Зависимость – тем более.

Спасением стал звонок телефона, разорвавший тягостную тишину. На экране весело подпрыгивало имя – Элла. Каролина глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, прежде чем поднести трубку к уху.

– Привет, мисс Серьёзность! – раздался на том конце жизнерадостный голос, такой контрастный её нынешнему настроению.

Каролина невольно улыбнулась, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

– Элла, ты вернулась в город?

– Да, и если у тебя были планы на вечер, отменяй! – не скрывая восторга, продолжила подруга. – Мы идем в одно очень атмосферное место. Ты даже представить не можешь...

Каролина нахмурилась, машинально начиная отказываться:

– Не уверена, что...

Но Элла, как всегда, не собиралась сдаваться.

– Каролина, – её голос стал настойчивее, – Ты не устала от этих мужчин в деловых костюмах и разговоров, состоящих из цифр? Я не приму отказ. Ты знаешь, какая я заноза.

Каролина закатила глаза, но сопротивление уже таяло. В конце концов, возможно, это именно то, что ей сейчас нужно – шум, смех, что-то, что выбьет из головы навязчивые мысли.

– Ладно, ладно, – сдалась она, чувствуя, как где-то внутри уже начинает теплиться любопытство. – Говори время и адрес.

За окном город продолжал жить своей жизнью, не зная, что где-то в его сердце одна женщина только что сделала шаг навстречу чему-то новому. Или, возможно, просто попыталась убежать от себя самой.

Тёмно-бордовые стены, обитые бархатом, впитывали свет, словно старый винил впитывает музыку. Над барной стойкой, отполированной до зеркального блеска, висели неоновые вывески с названиями алкогольных брендов 60-х – их призрачное свечение отражалось в бокалах, расставленных перед барменом.

Сам бармен – мужчина лет сорока с аккуратно закрученными усами и подкатанными рукавами рубашки – ловко жонглировал шейкером, будто дирижируя невидимым оркестром. За его спиной выстроились в ряд бутылки с экзотическими настойками, их стекло переливалось янтарными, рубиновыми и изумрудными оттенками.

В глубине зала теснились столики – маленькие, круглые, с потёртыми медными основаниями. За одним сидела пара влюбленных, их пальцы переплетались над бокалом martinis. За другим – компания девушек в платьях с геометрическим принтом, звонко смеющихся над чьей-то шуткой.

Но главное – сцена. Небольшая, почти игрушечная, она была обтянута чёрным бархатом. На ней уже стояли микрофоны, гитарные стойки, барабанная установка с потрескавшимися тарелками – всё выглядело так, будто музыканты вот-вот выйдут и начнут играть. Пианино в углу сцены, с пожелтевшими клавишами, ждало своего часа. Над всем этим висел старый прожектор, его красный свет уже готов был превратить это пространство в маленький храм музыки.

Где-то в углу играл джаз – томный саксофон переплетался с шёпотом контрабаса. Но все понимали – это лишь прелюдия. Скоро начнется настоящее шоу.

Дверь ретро-бара «Вельвет» с мягким звоном колокольчика пропустила внутрь двух женщин. Каролина вошла первой, её рыжие волны, сегодня свободно ниспадающие на плечи, вспыхнули медным отблеском в свете винтажных ламп. Элла, её подруга, шагнула следом, энергично оглядывая помещение – её короткое платье цвета спелой сливы и дерзкая стрижка казались идеально вписанными в эту обстановку.

Бармен, тот самый усач с безупречной техникой смешивания коктейлей, встретил их одобрительным кивком. Его глаза блеснули узнаванием – Элла явно была здесь частой гостьей.

– Наш угловой столик свободен? – без церемоний спросила она, указывая на небольшой круглый столик у самой сцены.

– Как всегда для вас, мисс Рейнольдс, – бармен сделал галантный жест рукой, в которой всё ещё держал хромированный шейкер.

Столик действительно был лучшим в зале – отсюда открывался идеальный вид на сцену, но при этом он оставался достаточно уединённым. Кожаные банкетки мягко прогнулись под ними, а свет маленькой лампы в виде старинного граммофона создавал интимную атмосферу.

– Две фирменных Вельвет Мун? – предположил бармен, уже доставая высокие бокалы.

Элла утвердительно мотнула головой, но Каролина, неожиданно для себя, подняла палец:

– Для меня – Манхеттен, пожалуйста. Крепкий. С двойной вишней.

Бармен одобрительно поднял бровь, а Элла округлила глаза:

– Ого! Кто-то сегодня решил оторваться по-настоящему, – она игриво толкнула подругу локтем.

Каролина лишь загадочно улыбнулась, её пальцы невольно постукивали по бархатной обивке сиденья в такт джазовому биту, доносящемуся откуда-то из глубины зала.

Когда напитки прибыли – её Манхеттен в классическом треугольном бокале с двумя рубиновыми вишенками на шпажке, и воздушный лавандовый коктейль Эллы в бокале с сахарным ободком – Каролина почувствовала, как напряжение последних дней начинает понемногу растворяться.

– За новые впечатления, – Элла звонко чокнулась с ней, и хрустальный звук будто дал старт чему-то новому.

В этот момент на сцене замигали огни, предвещая начало выступления.

Свет в зале приглушился, оставив лишь мягкое свечение ламп, обрамляющих сцену. Из-за кулис один за другим вышли музыканты – перкуссионист с расслабленной улыбкой, басист, нервно пробежавший пальцами по струнам, и наконец – он.

Грегори появился словно из другого измерения. Его тёмно-русые волосы, слегка растрепанные, падали на лоб мягкими прядями, а карие глаза под густыми бровями сразу нашли Каролину в толпе, будто чувствовали её присутствие. На нём была простая чёрная рубашка с расстегнутым воротом, обнажавшая цепочку с крошечным серебряным медиатором, и узкие джинсы, подчёркивавшие длину его ног. Он нес гитару как продолжение себя – бережно, но с непоколебимой уверенностью.

Сев на табурет, он поправил микрофон, и когда заговорил, его бархатистый баритон разлился по залу густым мёдом:

– Добрый вечер, красавцы и красотки, – улыбка тронула его губы, обнажив белизну зубов. Мы – Виски для Дейзи, и сегодня у нас для вас кое-что особенное.

Каролина почувствовала, как что-то внутри неё сжалось в сладком предвкушении.

Первая композиция была без слов – только музыка, переплетающаяся в сложном, но гармоничном танце. Гитара Грегори плакала и смеялась, то нежно перебирая струны, то взрываясь каскадом звуков. Его пальцы двигались с гипнотической грацией, а лицо отражало каждую эмоцию – то закрывал глаза, погружаясь в мелодию, то смотрел в зал, словно делился с каждым частичкой своей души.

Затем наступила тишина.

Грегори наклонился к микрофону, и его голос, теперь чуть хрипловатый, прошептал:

– Эта песня – о падении. О том, как страшно и как прекрасно – отпустить контроль. Она называется «Бездна».

Первые аккорды прозвучали как капли дождя – отдельные, чистые, наполненные тихой грустью. Грегори склонился над гитарой, его ресницы отбрасывали тени на скулы. Затем мелодия стала набирать силу, как прилив, несущийся к берегу – неудержимый, мощный, прекрасный в своей ярости.

И вот – его голос. Не просто пение, а исповедь, вырвавшаяся из самой глубины. Он не пел – он проживал каждую строчку, его баритон то взлетал чистым серебром, то опускался до хриплого шёпота, заставляя кожу покрываться мурашками. Когда он тянул ноты, в его голосе проскальзывала та самая блээндинговая хрипотца – словно звук терся о края его души, прежде чем вырваться наружу.

«Я падаю в бездну твоих глаз,

Где теряются все мои маяки...»

Каролина не дышала. Его исполнение было настолько проникновенным, что казалось – он поёт только для неё. Каждое слово, каждый вздох, каждый взгляд из-под опущенных ресниц бил прямо в сердце.

Когда последний аккорд растаял в воздухе, в зале на секунду воцарилась тишина – публика замерла, потрясенная. Затем взорвался гром аплодисментов. Но Каролина не аплодировала. Она просто смотрела на него, понимая, что только что стала свидетельницей чего-то по-настоящему волшебного.

А Грегори, вытирая со лба выступившие капельки пота, снова улыбнулся – и на этот раз его взгляд намеренно нашёл её в толпе, будто говорил: «Это было для тебя».

После концерта Грегори растворился в толпе поклонниц, устремившихся к бару вслед за ним. Их восторженные возгласы и нарочито громкий смех создавали вокруг музыканта живое облако обожания.

– Пойдём познакомимся, он явно тебе приглянулся, – Элла игриво подтолкнула подругу локтем, но Каролина лишь одарила её укоризненным взглядом, в котором читалось благородное негодование.

– Я похожа на глупышку, готовую ради пары секунд внимания мужчины растерять всё своё достоинство? – её голос звучал холоднее мартини в их бокалах.

Элла закатила глаза, но улыбка не покидала её губ:

– Ох, простите, мисс Спаркс, я было решила, что, хотя бы на этот вечер ваша гордыня осталась в кабинете.

Они остались сидеть за столиком, наблюдая, как волна восторженных девушек постепенно отхлынула от музыканта. Каролина не замечала, как его взгляд то и дело скользил в их сторону, задерживаясь на её горделивой осанке и рыжих волнах волос, переливающихся в мягком свете ламп.

Когда Элла ненадолго отлучилась, он подошёл с лёгкостью человека, привыкшего чувствовать себя желанным гостем в любом пространстве.

– Вы слишком шикарно одеты для такого простенького заведения, – его голос, тёплый и бархатистый, прозвучал прямо за её спиной. – Похоже, вас сюда затащили против воли, иначе вы бы подобрали более соответствующий наряд.

Каролина медленно повернулась, встречая его улыбку – лукавую, чуть озорную, с едва заметной ямочкой на щеке. Её зелёные глаза скользнули по его фигуре с холодноватой оценкой: растрёпанные после выступления волосы, рубашка, слегка промокшая от пота на груди, гитарный ремешок, всё ещё перекинутый через плечо.

– А вы слишком весёлый для того, кто исполняет грустный блюз, – парировала она, но уголки её губ дрогнули.

Его смех прозвучал неожиданно звонко – искренний, заразительный, как внезапный солнечный луч в пасмурный день. Он ловко перевернул стул и сел верхом, его движения были такими же плавными, как звуки его гитары.

– Грегори, – представился он, протягивая руку.

– Каролина, – её пальцы едва коснулись его ладони, но этого мгновения хватило, чтобы почувствовать шершавость гитарных мозолей.

– Давай на «ты», – предложил он, и в его глазах вспыхнул озорной огонёк. – Я расскажу о грустном блюзе, а ты – как сюда попала.

Их разговор закружился, как вихрь – он рассказывал о своих первых выступлениях в подземных клубах, она – о случайном знакомстве с Эллой в университете. Его жесты были широкими и выразительными, её – сдержанными, но каждое движение выдавало живой интерес.

Элла, вернувшись, на мгновение замерла в нескольких шагах, увидев их склонённые друг к другу головы и оживлённые лица. С улыбкой она развернулась и направилась к бару, оставляя их наедине с зарождающейся симфонией взаимного интереса.

А за окном ночной город продолжал свой бесконечный танец огней, нисколько не подозревая, что где-то в маленьком баре только что началась новая история.

Лампы в баре замигали, сигнализируя о скором закрытии. Последние посетители неохотно собирали вещи, а официанты начали расставлять стулья на столы. В воздухе витал сладковатый аромат смешанных напитков и ностальгии по только что прожитым мгновениям.

Грегори вдруг потянулся в карман джинсов и извлёк слегка помятую брошюру с изображением ананаса – афишу их следующего концерта в джаз-клубе «Тропики».

– Надеюсь увидеть тебя там, – произнёс он, протягивая листовку. Его пальцы на мгновение задержались на её ладони дольше необходимого.

Каролина рассмотрела афишу, затем подняла взгляд, в её глазах играли золотистые искорки:

– Если я приду, ты будешь играть только для меня? – её голос звучал лёгкой шуткой, но в глубине фразы прятался настоящий вопрос.

Грегори склонил голову, будто скрепляя незримый договор:

– Договорились.

Между ними повисла звенящая пауза, наполненная невысказанными предложениями. Он хотел пригласить её к себе – на чашку кофе, на прослушивание новых демозаписей, на что угодно, лишь бы продлить этот вечер. Она мечтала услышать это приглашение – но гордость заставляла её сжимать брошюру в руках, вместо того чтобы протянуть ему навстречу ладонь.

– Значит... до следующей пятницы, – наконец произнесла Каролина, делая шаг назад.

– До пятницы, – кивнул он, понимая, что сейчас не время торопить события.

Она развернулась и пошла к выходу, чувствуя его взгляд на своей спине. В дверях Каролина обернулась – Грегори всё ещё стоял у их столика, освещённый неоновым светом вывески, и смотрел ей вслед.

За окном такси уже ждало, но в этот момент ей вдруг захотелось, чтобы водитель уехал без неё. Чтобы дверь бара захлопнулась, оставив их вдвоём среди пустых стульев и недопитых бокалов. Чтобы этот вечер не заканчивался так... правильно.

Каролина глубоко вздохнула и шагнула в ночь, сжимая в руке афишу с ананасом – глупым символом обещания, которое они почему-то не смогли озвучить. Дверь такси уже была открыта, когда его голос остановил её, прозвучав сквозь ночную прохладу как тёплый аккорд:

— Не против разделить поездку?

Каролина обернулась. Грегори стоял в трёх шагах, его силуэт вырисовывался на фоне неоновой сияния вывески бара. В руках он сжимал чехол от гитары, а взгляд — тёмный, вопрошающий — приковывал сильнее слов.

— Почему бы и нет, — её улыбка расцвела сама собой, будто давно ждала этого момента.

Они сели на заднее сиденье, разделённое внезапной тишиной. Такси рвануло в поток огней, а город за окном превратился в размытое полотно теней и бликов. Его плечо иногда касалось её плеча на поворотах — лёгкое, случайное, но каждый раз от прикосновения по её коже пробегали искры. Он рассказывал о концерте, смеялся над неудачным соло басиста, а она ловила его жесты: как он вскидывал руку, чтобы подчеркнуть мысль, как тень ресниц падала на скулы, когда он смотрел в окно.

— Здесь, — вдруг сказал он, когда машина замедлила ход у старинного кирпичного здания с чугунными балконами.

Грегори расплатился, открыл дверь. Улица здесь была тихой, лишь фонарь бросал дрожащие блики на мостовую. Он взял гитару, но не сделал шага к подъезду. Взгляд его скользнул по её лицу, остановившись на губах.

— Пойдём? — просто предложил он, и в этом вопросе не было давления — только тёплое, ненавязчивое приглашение.

Она почувствовала, как сердце ударило в рёбра. Безумие, — шепнул внутренний голос. Он почти незнакомец. Ты даже не знаешь, где он живёт. Но ноги уже двигались за ним — мимо кованых ворот, через двор с запахом влажного камня и жасмина. Он открыл тяжёлую дверь с витражным стеклом, пропуская её вперёд.

— Предупреждаю, там хаос, — улыбнулся он, и в его глазах вспыхнуло что-то озорное и невероятно притягательное.

Каролина переступила порог. Темнота подъезда пахла деревом и старыми книгами. Где-то вверху закрипели ступени. Она не оглянулась на улицу, не подумала о такси. В эту секунду существовал только он — его шаги на лестнице, его дыхание за спиной, его обещание хаоса.

И пошла.

Дверь закрылась за ними с мягким щелчком, отделяя их от остального мира. Прихожая встретила их тёплым полумраком, где в воздухе витал тонкий аромат воска для дерева, смешанный с едва уловимыми нотами старого винила. На стене у входа висела грубоватая деревянная вешалка, с которой небрежно свисали кожаная куртка и несколько шарфов. Под ногами уютно расположилась небольшая коллекция обуви — потертые кеды, скальные туфли и одинокий оксфорд, будто случайно затесавшийся в эту компанию.

Гостиная открывалась перед ними как страница дневника — искренняя, наполненная жизнью. Кирпичная стена, не скрытая под отделкой, хранила следы времени и творчества. На ней соседствовали гитары, аккуратно развешенные на специальных крюках, и несколько постеров с концертов. В углу стояло старое пианино, его полированная поверхность блестела в мягком свете, выдавая бережный уход. Клавиши, чуть пожелтевшие от времени, словно ждали прикосновения мастера.

Книжные полки, заполненные до отказа, демонстрировали вкус хозяина — томики классической литературы мирно уживались с коллекцией виниловых пластинок. «Над пропастью

во ржи» соседствовала с альбомом «The Beatles», а сборник стихов Цветаевой — с концертным изданием Элвиса Пресли.

В центре комнаты располагался уютный диван, утопающий в подушках и мягком пледе. Рядом — деревянный кофейный столик с аккуратно расставленными предметами: ноутбуком, блокнотом с нотами, парой книг с закладками. У окна стоял высокий стул с микрофоном, создавая импровизированную домашнюю студию.

На подоконнике выстроились в ряд кактусы — единственные растения, способные выжить в его насыщенном графике. Восточный ковер на полу приглушал шаги, создавая ощущение уюта. В воздухе витал аромат свежесваренного кофе с лёгкими нотами цитруса и старых страниц.

Среди этого творческого беспорядка прослеживалась чёткая система — особенно когда дело касалось музыкальных инструментов. Каждая гитара висела на своем месте, пианино было безупречно чистым, а на полке рядом с проигрывателем аккуратно лежали пластинки в защитных конвертах.

— Ты удивительно аккуратен с инструментами, — заметила Каролина, проводя пальцем по крышке пианино.

— Они же живые, — улыбнулся он, поправляя струны на гитаре. — Заслуживают уважения.

Его жилище дышало теплом и историей. Каждая вещь, каждая царапина на деревянных поверхностях, каждое пятно на страницах книг рассказывало свою историю. Это был не просто дом — это было продолжение его души, где каждая деталь, даже самая незначительная, находилась именно там, где должна была быть.

И когда он протянул ей чашку кофе, их пальцы снова встретились, а за окном Нью-Йорк продолжал свой бесконечный танец огней, будто одобряя это неожиданное сближение двух таких разных миров.

Тишина комнаты вдруг стала осязаемой, наполненной лишь звуком их дыхания. Он сделал шаг вперёд, сократив расстояние между ними до ничего. Его ладонь, теплая и чуть шершавая от гитарных струн, скользнула по её щеке с такой нежностью, будто боялась разбить хрупкий фарфор. Пальцы аккуратно вплелись в рыжие пряди у виска, задерживаясь там, словно желая запомнить текстуру каждого волоска.

Он наклонился, и в этот момент его вторая рука обвила её талию — не хватаяще, а приглашающе, давая ей возможность отступить. Но она не отступила. Когда его губы коснулись её губ, это было похоже на падение первого снега — мягко, невесомо, без спешки. Его поцелуй не требовал, не торопил, а лишь вопрошал, и она ответила, позволив своим рукам подняться по его шее, пальцам утонуть в густой шевелюре, которая оказалась удивительно мягкой, как шёлк под солнцем.

Его губы начали путешествие вниз, оставляя влажные следы по линии скулы, затем по изгибу шеи, где пульс бился так явственно. Каждое прикосновение было обжигающе нежным, словно он боялся пропустить хоть миллиметр этой кожи. Тем временем его пальцы, ещё недавно ласкавшие её лицо, переместились к спине, нашли молнию платья и начали медленно, с почти мучительной неторопливостью, стягивать её вниз.

Ткань зашелестела, скользя по её телу, и вот уже лямки соскользнули с плеч, а платье упало к ногам, как лепестки с цветка. Её руки начали своё исследование — пальцы скользили по его груди, расстёгивая одну пуговицу за другой, открывая рельефный ландшафт его тела. Когда последняя пуговица освободилась, он стянул рубашку одним плавным движением, и она почувствовала под ладонями его кожу — горячую, слегка влажную, живую.

Но вдруг он отстранился, всего на мгновение, достаточное, чтобы взять её за руку. Его глаза, тёмные и бездонные, словно ночное небо, смотрели прямо в её, а губы тронула едва

заметная улыбка. Без слов он повел её за собой, их пальцы переплелись, и шаги слились в едином ритме, как две ноты, наконец нашедшие свою гармонию.

Комната вокруг них перестала существовать — остались только тепло его руки, биение его сердца, которое она чувствовала сквозь кожу, и обещание, витающее в воздухе, что это только начало.

Спальня встретила их мягким полумраком, где единственным источником света была лампа с тёплым жёлтым абажуром, отбрасывающим кружевные тени на стены. Пространство дышало той же творческой небрежностью, что и гостиная, но здесь чувствовалась особая, интимная атмосфера — место, куда редко ступала чужая нога.

Кровать, широкая и низкая, с бельём песочного оттенка, занимала центр комнаты. Простыни, чуть смятые у изголовья, хранили отпечаток его тела — будто он только что встал, хотя на самом деле не спал здесь уже несколько часов. Над изголовьем висела гитара на специальном креплении — последнее, что он видел перед сном и первое — просыпаясь.

У стены притулился небрежно составленный стопками винил — пластинки, обложки которых были слегка потрёпаны от частого использования. Рядом, на тумбочке из тёмного дерева, стоял стакан с недопитым чаем, остывшим ещё с утра, и потрёпанный томик стихов, раскрытый на середине — видимо, последнее, что он читал перед выходом.

Окно, завешенное льняными шторами, приоткрыто — ночной воздух шевелит краями ткани, принося с улицы лёгкий аромат цветущего жасмина. На подоконнике — несколько камешков с дырочками, привезённых с разных побережий, и пара засохших морских звёзд — немые свидетели его одиноких прогулок у воды.

В углу, на вешалке, его любимый свитер, в котором он играет дома, когда пишет музыку.

Эта комната не стремилась впечатлять — она была настоящей. Здесь пахло им — его шампунем, его потом, его творчеством. Каждая деталь, даже самая незначительная, рассказывала историю его жизни — не приукрашенную, не подготовленную для чужих глаз, а такую, какая она есть.

И когда он ввёл её сюда, держа за руку, в этом не было театральности — только искреннее желание поделиться самым сокровенным: местом, где он был самим собой, без масок и прикрас.

Прохлада простыни коснулась её спины, создавая контраст с жаром его тела. Он опускал поцелуи вдоль её шеи, плеч, ключиц — каждое прикосновение было как нота в медленной, сладостной мелодии. Там, где в обычной жизни он говорил быстро, жестикулировал, смеялся громко и без оглядки, теперь в его движениях была почти медитативная неторопливость.

Его губы скользили по её коже, как музыкант, изучающий любимый инструмент перед игрой — с благоговением, с желанием почувствовать каждую вибрацию. Когда он добрался до изгиба груди, его дыхание стало чуть глубже, но темп не изменился — он словно растягивал время, превращая каждый момент в вечность.

Она не заметила, как исчезло её белье — его пальцы освобождали её от последних преград с такой естественной грацией, будто делали это всю жизнь. И так же незаметно исчезли его джинсы, оставив их кожу соприкасаться без барьеров.

Его тело оказалось ещё горячее, чем она представляла — живое, сильное, но не напряжённое. Её ладони скользили по его спине, ощущая под пальцами рельеф мышц, каждый изгиб позвоночника, затем опускаясь ниже, к узкой талии, где кожа была особенно чувствительной. Он вздрогнул под её прикосновением, и этот момент искренней реакции заставил её сердце биться чаще.

Время потеряло значение. Где-то за окном шумел город, где-то тикали часы, но здесь существовали только они — два тела, сливающиеся в медленном танце, два дыхания, смешивающихся в едином ритме.

Он не торопился, не пытался ускорить этот момент – напротив, каждый его поцелуй, каждое движение было клятвой, что спешить некуда, что впереди – целая вечность. И она, привыкшая контролировать каждый аспект своей жизни, вдруг с удивлением осознала, что полностью доверяет этому темпу, этому человеку, этой ночи.

И когда наконец их тела соединились, это было не бурное пламя, а медленное, глубокое слияние – как две реки, наконец нашедшие общее русло после долгого пути.

Тепло его тела ещё жило на её коже, когда Каролина скользнула с простыней, остывающих без его присутствия. Она собрала разбросанные по комнате вещи с тихой осторожностью, будто боялась разбудить воспоминания, которые только что были созданы. Платье, сброшенное у дивана в гостиной, всё ещё хранило лёгкий запах его одеколона – древесный, с оттенком чего-то пряного.

Ткань скользнула по её телу, как вторая кожа, когда вдруг за спиной раздался его голос: — Уже сбегаете?

Она обернулась. Он стоял в дверном проеме, совершенно голый, загорелый, с волосами, растрепанными их общим порывом. Капли воды ещё блестели на его плечах после душа, скапываясь по рельефу груди. Улыбка на его губах была одновременно невинной и знающей – как у ангела, который вдруг решил соблазнить смертную.

— Я планировала попрощаться, — её голос звучал ровнее, чем она чувствовала.

Он шагнул ближе, и мягкий свет лампы заиграл на его ресницах, делая взгляд ещё более проникновенным.

— Ты же придешь на концерт?

Она позволила себе улыбнуться, чувствуя, как предательское тепло разливается по щекам:

— Не стану давать обещаний.

Её подмигивание было лёгким, почти неуловимым, как взмах крыла колибри. Через мгновение она уже повернулась к выходу, оставляя за спиной его смех – тёплый, как мёд, и такой же сладкий.

Её шаги по коридору были размеренными, гордыми, но сердце билось так, будто пыталось вырваться из груди. Дверь захлопнулась за ней с мягким щелчком, оставляя в воздухе лишь тонкий шлейф её духов и невысказанное «до встречи».

А он остался стоять посреди комнаты, всё ещё улыбаясь, с уверенностью человека, который знает – это не прощание. Это пауза перед следующим куплетом их песни.

Глава 3. Тонкая Грань.

Утро разливалось по Манхэттену золотистыми бликами, а Каролина стояла у панорамного окна, наблюдая, как город оживает внизу – крошечные фигурки людей спешили по своим делам, жёлтые такси ползли, как букашки, а небоскребы сверкали холодным стеклом. В её руке дымился кофе, ароматный и горький, но мысли были далеко – там, где пахло гитарным воском и старыми книгами, где тёплые пальцы оставляли следы на её коже...

Лёгкий стук в дверь вырвал её из воспоминаний.

– Мисс Спаркс, они здесь, – голос Жанны, её секретаря, прозвучал чётко и профессионально, без лишних интонаций.

Каролина медленно повернулась, кивнув в ответ, и дверь снова закрылась, оставив её наедине с собой. Она глубоко вдохнула, закрыв глаза на мгновение, чувствуя, как маска деловой леди – холодной, собранной, безупречной – опускается на её лицо, словно второй слой кожи.

Её каблуки, чёрные и острые, как её решения, ждали у двери. Она наклонилась, чтобы надеть их, и в этот момент они казались не просто обувью, а доспехами, которые защитят её от любых неожиданностей. Каждый ремешок, каждая пряжка застегивались с привычной точностью – так же, как она застёгивала свои эмоции, пряча их глубоко внутри.

Когда она вышла в коридор, её походка была уверенной, а взгляд – ясным. Никто бы не догадался, что несколько часов назад её пальцы запутывались в чьих-то волосах, а губы шептали не деловые термины, а что-то совсем другое...

Но город ждал, бизнес не терпел промедлений, и Каролина Спаркс знала своё место – во главе переговоров, а не в чьих-то объятиях. По крайней мере, до следующего вечера.

А пока – только холодный блеск стёкол, ровный стук каблуков по мрамору и бесконечная игра, в которой она всегда держала себя в руках.

В просторной переговорной, залитой холодным светом сквозь панорамные стёкла, кипела настоящая буря. Юристы с обеих сторон метали аргументы, как кинжалы – точные, острые, нацеленные в слабые места контракта. Голоса то взлетали в страстных возражениях, то опускались до шёпота в поисках компромисса, но каждый раз переговоры снова заходили в тупик.

А посреди этого урагана, будто в эпицентре шторма, царила абсолютная тишина. Два острова спокойствия в бушующем океане дебатов.

Каролина восседала в кресле с королевской непринужденностью, её поза была одновременно расслабленной и безупречно прямой. Перламутровая блуза, облегающая строгие линии тела, переливалась мягкими бликами при каждом едва заметном движении. Чёрная юбка-карандаш, словно вторая кожа, подчёркивала каждый изгиб её ног, сложенных в безупречно профессиональной позе.

Её руки – с безупречным маникюром цвета слоновой кости – покоились на тонких ручках кресла, пальцы лишь изредка постукивали в такт каким-то внутренним размышлениям. Рыжие волосы, собранные в тугий колосок, открывали изящную линию шеи, где бился едва заметный пульс. Ни серег, ни колец – только часы с тонким ремешком, отсчитывающие секунды этого противостояния.

Напротив неё, за сверкающей стеклянной поверхностью стола, Дэниел Грэм сидел, словно высеченный из мрамора – безупречный, холодный, недостижимый. Его костюм глубокого синего цвета напоминал ночное небо перед грозой – насыщенное, почти чёрное в складках, но переливающееся скрытым блеском при каждом движении. Белоснежная рубашка подчёркивала загар его кожи, а галстук из чёрного атласа лежал идеально ровно, без единого изъёма.

Его правая рука покоилась на столе – длинные пальцы слегка касались поверхности, из-под манжеты выглядывали тонкие золотые стрелки часов, отсчитывающие секунды этой немой дуэли. Левая рука лежала на подлокотнике, расслабленная, но в каждом сухожилии, в каждом суставе чувствовалась скрытая сила, готовая в любой момент превратиться в действие.

Но главное – его глаза.

Серые, как сталь, как лёд на поверхности озера в самый холодный зимний рассвет. Они не отрывались от неё, не выражали ни раздражения, ни нетерпения. Это был взгляд хищника, замершего перед решающим прыжком, взгляд стратега, просчитывающего каждый следующий шаг.

Каролина отвечала ему тем же – её зелёные глаза, обычно такие живые и выразительные, сейчас были холодны, как изумруды в короне ледяной королевы. Они не дрогнули, не отвели взгляд, не выдали ни единой эмоции.

Казалось, что в этой переговорной, где юристы яростно спорили, обсуждая цифры и пункты контракта, идет совсем другая битва – тихая, безмолвная, но куда более важная.

Он выглядел спокойным, уверенным в себе, абсолютно контролирующим ситуацию. Но она видела – в глубине этих серых глаз что-то тлело. Искра, вспышка, что-то живое и горячее, что не смогла погасить даже его железная воля.

Игра продолжалась.

Кто первым дрогнет? Кто первым отведет взгляд? Кто первым признает, что за этими переговорами, за этим холодным противостоянием, скрывается нечто большее, чем просто деловой интерес?

Пока ответа не было. Только стол между ними. Только взгляды, скрестившиеся в немом поединке. Только тиканье часов, напоминающее, что время идет, а битва ещё не окончена.

Каролина чувствовала, как под его взглядом – тяжёлым, как бархатная ночь, пронзительным, как лезвие – весь мир за стенами переговорной перестал существовать. Его серые глаза, обычно холодные, как сталь в декабрьский полдень, сейчас пылали тем самым скрытым огнём, который она узнала позапрошлой ночью. Контракт, цифры, миллионы – всё это растворилось в одном лишь воспоминании о его руках, сжимавших её бедра, о его губах, обжигающих кожу...

Её строгий деловой костюм внезапно стал невыносимой клеткой. Юбка-карандаш, обтягивающая бедра, напоминала о том, как его ладони скользили по её коже. Бежевая блузка казалась душной – ей хотелось сорвать её, почувствовать прохладу воздуха на обнаженных плечах.

И вдруг – едва заметное движение. Уголок его губ дрогнул, намекая на улыбку, которая не появлялась, но уже обжигала её. Он знал. Читал её мысли, как открытую книгу. В его взгляде вспыхнуло что-то дикое, первобытное – то самое, что заставило его в ту ночь прикусить мочку её уха – страстно, но нежно, не оставляя видимых следов.

– Детки, пойдите погуляйте.

Его голос – бархатный баритон, не повышающийся ни на децибел, но перекрывающий все споры – прозвучал, как удар хлыста. Юристы замерли. Его команда начала собираться с привычной покорностью, её люди – с замешательством. Она лишь слегка кивнула, не отрываясь от его глаз, чувствуя, как между ними натягивается незримая нить.

Двери закрылись. Тишина.

Они остались одни – он, всё такой же безупречный в своём темно-синем костюме, и она, с едва заметной дрожью в пальцах, сжимающих подлокотники кресла. Часы тикали, отсчитывая секунды этого молчаливого противостояния. В воздухе витал аромат его парфюма – древесного, с горьковатыми нотками, тот самый, что она вдыхала, когда он прижимал её к стеклу окна...

Он поднялся со стула с той же неспешной грацией, с какой пантера покидает своё логово – каждый мускул под дорогим сукном костюма двигался с хищной точностью. Его пальцы, длинные и умелые, скользнули к пуговице пиджака, застегивая её одним отработанным жестом

– Каролина невольно вспомнила, как эти же пальцы расстегивали молнию её платья, с той же безошибочной уверенностью.

Когда его глаза наконец отпустили её, она ощутила это почти физически – будто ледяные когти разжали свою хватку у неё в груди. Воздух снова наполнил лёгкие, но вместо облегчения пришло новое напряжение.

Он шёл к окну, и каждый его шаг отдавался в ней глухим эхом. Темно-синяя ткань пиджака идеально облегла его широкие плечи, подчёркивая атлетическую линию спины. Когда он засунул руки в карманы брюк, пиджак слегка натянулся, обрисовывая рельеф мышц.

Остановившись у панорамного окна, он стал похож на властелина всего этого города, раскинувшегося внизу. Его профиль, чёткий как гравюра, выделялся на фоне облаков – сильный подбородок, прямой нос, губы, которые она помнила горячими и ненасытными. В его позе не было ни капли напряжения – только спокойная мощь, уверенность хищника, знающего, что добыча не убежит.

Каролина встала с нарочитой медлительностью, давая себе время собраться. Её ладони скользнули по юбке, разглаживая несуществующие складки – защитный жест, который он наверняка заметил бы, если бы смотрел. Подойдя к окну, она сознательно повернулась спиной к городскому пейзажу, опершись ладонями о холодную стеклянную поверхность.

Стекло было прохладным под её пальцами, но внутри всё горело. Она чувствовала его рядом – его дыхание, его тепло, тот уникальный аромат дорогого парфюма, который вьелся в её память той ночью. Воображение упрямо рисовало картины: как это стекло запотеет от их дыхания, как его ладони прижмут её к этой холодной поверхности, как их отражения сплетутся в одно...

Но пока стояла тишина. Только тиканье часов на запястье, только далёкие гудки машин где-то внизу. Она уставилась в пустой стол переговоров. И ждала. Ждала, когда наконец разорвется эта невыносимая тишина, когда он заговорит тем голосом, от которого у неё по спине бегут мурашки. Ждала, зная, что первые слова будут подобны первому прикосновению – решающим, необратимым, сметающим последние преграды между ними.

Его голос прозвучал, как тёплый ветерок в застывшем воздухе переговорной – бархатистый, с лёгкой хрипотцой, от которой по спине Каролины пробежали едва заметные мурашки. Он говорил, глядя вдаль, будто обращался не к ней, а к самому горизонту, где небо сливалось с городской панорамой.

– Я бы с удовольствием затянул переговоры, чтобы подольше насладиться твоим обществом, Каролина...

Слова повисли в воздухе, обволакивая её, как дым от дорогого виски – медленно, сладко, с нотками чего-то запретного. Она почувствовала, как её сердце сделало резкий толчок, но лицо осталось невозмутимым. Только пальцы, лежащие на стекле, слегка напряглись, оставив на мгновение едва заметные отпечатки.

– Но нам стоит приложить усилия и найти решение.

Пауза. Его голос стал чуть твёрже, но не потерял той скрытой теплоты, которая заставляла её кожу вспоминать его шепот в темноте.

– Компромисс, а не уступки. И уж точно не капитуляция одной из сторон.

Она не подняла глаз, продолжая смотреть на стол. Её ответ прозвучал холодно, но в глубине – где-то под слоями деловой хватки – дрожала та самая Каролина, что два дня назад стояла под его руками.

– Не в моих интересах затягивать процесс. И точно не в интересах моего клиента. У меня есть обязательства. И репутация.

И тогда он повернул голову.

Медленно, словно давая ей время осознать этот жест. Его тело оставалось неподвижным, но взгляд... О, этот взгляд! Он прожигал её, как раскалённое лезвие, и в нём не было ничего

от расчетливого переговорщика. Это был взгляд мужчины, который помнит, как она дрожала в его объятиях.

– Каролина... – он произнес это с придыханием, почти шёпотом, и в его голосе прозвучало что-то дикое, необузданное. – Я бы прямо сейчас сорвал с тебя одежду и...

Он замолчал, слегка выдохнув, будто пытаясь сдержать себя. Но она уже слышала продолжение. В его взгляде. В том, как напряглись его челюсти.

Она повернулась к нему.

Медленно, с вызовом. Её губы изогнулись в той самой улыбке – игривой, дерзкой, той, что сводила его с ума той ночью.

– И что, Дэниел?

Он не отвел глаз. Уголок его рта дрогнул в ответной улыбке – знакомой, обещающей.

– Этот стол выглядит весьма привлекательно.

Она рассмеялась. Негромко, но достаточно, чтобы он увидел, как вспыхивают её глаза. Она хотела того же. Но вместо слов просто оттолкнулась от окна и пошла назад к столу, чувствуя его взгляд на своей спине, на каждом шаге, на каждом движении бёдер под обтягивающей юбкой.

Когда она опустилась в кресло, приняв ту же безупречную позу, её голос прозвучал ровно, но с лёгкой насмешкой:

– Начинай предлагать варианты.

Он хмыкнул – низко, глубоко. И, подходя к своему креслу, расстегнул пуговицу пиджака одним точным движением, словно сбрасывая последние преграды.

Деловой ритуал завершился с безупречной точностью. Четверть часа – и все документы были подписаны, рукопожатия обменены, формальности соблюдены. Юристы расходились, наполняя коридор мерным гулом голосов и стуком каблуков по мраморному полу.

Каролина стояла у двери, словно королева, провожающая подданных. Её осанка была безупречна – прямой позвоночник, поднятый подбородок, руки, сложенные перед собой с изящной непринужденностью. Взгляд – спокойный, почти отстраненный, но в глубине зелёных глаз тлел тот самый огонь, что разгорался в переговорной.

Он подошёл последним.

Его шаги были лёгкими, почти бесшумными, но она почувствовала его приближение ещё до того, как он остановился в дверном проеме. Тёмно-синий костюм подчёркивал его статную фигуру, а белоснежная рубашка делала черты лица притягательными. Он оглянулся через плечо, убедившись, что остальные уже достаточно далеко, чтобы не слышать их разговор, и повернулся к ней.

– Это стоит отметить, – произнес он ровно, но в его голосе звучала та самая уверенность, которая заставляла её сердце биться чаще.

Она не подала виду. Губы сжались в тонкую линию, взгляд скользнул куда-то за его плечо, будто она разглядывала что-то куда более интересное, чем его лицо.

– У меня уже есть планы на вечер.

Её голос был холоден, как лёд, но он знал – под этой ледяной гладью бурлит пламя. Он лишь приподнял бровь. Затем наклонился чуть ближе – всего на пару сантиметров, ровно настолько, чтобы она почувствовала тепло его дыхания на своей коже.

– Ты знаешь мой адрес, Каролина. – он сделал паузу, – Приходи.

И он ушёл. Не дожидаясь ответа, не оглядываясь, с той же неспешной грацией, с какой покидал любое место, зная, что за ним будут наблюдать.

А она смотрела ему вслед. Его спина – прямая, плечи – расслабленные, походка – уверенная, почти хищная. Каждый шаг отдавался в ней слабым эхом, напоминая о том, что между ними было. И о том, что может быть.

Эта игра манила её, как запретный плод. Она любила этот момент – когда все карты уже на столе, но исход ещё не решен. Когда каждый взгляд, каждое слово – это вызов, который она либо примет, либо отвергнет.

Но где-то в глубине души, под слоями уверенности и азарта, тлела тревога.

«А что, если зайти слишком далеко?»

Она сжала пальцы в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Но это уже был другой вопрос. И ответ на него она не знала.

«У Антуана» – так называлось это место, где свет всегда был мягким, как шёпот, а музыка – тихой, словно далёкое воспоминание. Не претенциозный мишленовский храм кулинарии, а просто хороший ресторан, где еда умела утешать, не требуя восторженных оваций. Каролина любила эти стены, обтянутые тёплыми деревянными панелями, любила эти льняные салфетки, которые не царапали кожу, любила запах свежего хлеба, смешивающийся с ароматом тимьяна из открытой кухни.

Она сидела у окна, за своим привычным столиком в углу, откуда было видно весь зал и улицу за стеклом. Вечерний город лился перед ней золотым потоком – огни фонарей, мелькающие силуэты прохожих, редкие автомобили, скользящие по мокрому после дождя асфальту. В руке она держала чашку – изящную, тонкую, с остатками остывающего чая, который она уже не пила, а лишь водила по кругу, наблюдая, как янтарная жидкость оставляет на фарфоре едва заметные следы.

«Нет, она не поедет к нему!»

Мысль звучала твёрдо, почти убедительно. Но где-то в глубине, под слоями логики и холодного расчета, что-то шевелилось – назойливое, тёплое, упрямое. Она закрыла глаза, вдыхая аромат чая – бергамот, лёгкая горчинка.

Телефон лежал рядом, чёрный, глянцевый, молчаливый. Она взяла его, пальцы сами набрали знакомый номер.

— Мисс Большой Босс! Чем могу помочь?

Голос Эллы звенел, как шампанское в бокале – игриво, беззаботно, с той самой ноткой, которая всегда заставляла Каролину улыбаться.

— Есть планы на вечер?

Собственный голос прозвучал непринужденно, даже слишком – будто она спрашивала о погоде, а не искала спасения от собственных мыслей.

— Прости, дорогуша, не сегодня! У тебя же не что-то срочное?

Каролина почувствовала, как что-то сжимается внутри – не разочарование, нет... Скорее облегчение.

— Нет, в другой раз.

Где-то на другом конце провода кто-то крикнул что-то веселое, и Элла рассмеялась:

— Тогда пока!

Экран погас. Каролина откинулась на спинку стула, чувствуя, как мягкая ткань принимает её усталое тело. Чашка была пуста – один последний глоток, горьковатый, как несказанное «нет», которое она только что произнесла сама себе.

За окном город жил, дышал, звал куда-то. А она сидела в своем уютном коконе, где пахло хлебом и тимьяном, и думала о том, что иногда самые важные решения – это те, которые ты не принимаешь.

Глава 4. Добровольный Плен.

Дэниел Грэм расположился на полу своей гостиной с той же непринужденной грацией, с какой занимал место во главе переговорного стола. Паркет, прохладный под босыми ступнями, мягкое сидение дивана, служившее опорой спине, рассеянный свет торшера, рисующий золотистые блики на страницах книги в его руках – здесь, в этом приватном пространстве, исчезал тот ледяной магнат, каким его знал деловой мир.

Он был воплощением расслабленной элегантности. Штаны из тонкой льняной ткани пепельного оттенка свободно ниспадали с узких бедер, мягкая резинка покоилась так низко, что обнажала чёткие линии подвздошных костей. Ткань, лёгкая и дышащая, слегка шелестела при каждом движении, намекая на отсутствие под ней каких-либо преград – Дэниел всегда ценил свободу там, где мог себе это позволить.

За окном плыл ночной город, миллионы огней, сияющих, как рассыпанные бриллианты, но его взгляд скользил по строчкам книги, а не по этому сверкающему пейзажу. Влажные после душа волосы, тёмные, как вороново крыло, слегка поблескивали в свете ламп, отдельные пряди падали на лоб, придавая ему непринуждённый вид.

И тогда раздался стук. Уверенный, чёткий, без тени сомнения – будто гость знал, что его ждут.

Улыбка, медленная, как потягивающийся кот на солнце, растянулась по его лицу. Длинные пальцы перекинули атласную ленту-закладку – тёмно-синюю, и книга легла на диван.

Он поднялся с пола с грацией большого хищника – плавно, без усилий, мышцы спины и плеч играли под гладкой загорелой кожей, когда он распрямлялся. Босые ступни бесшумно ступали по паркету, оставляя едва заметные следы – он всегда двигался тихо, будто привык появляться и исчезать незаметно.

Дверь ждала. А за ней – та самая неопределенность, что всегда манила его больше, чем любой контракт, любая сделка. Но пока он лишь шёл навстречу этому стуку, чувствуя, как где-то внизу живота загорается знакомое тепло. Он знал, кто стоит за дверью. Или, по крайней мере, очень на это надеялся.

Дверь распахнулась плавно, без скрипа, словно и сама ждала этого момента. Перед Каролиной предстал Дэниел во всей своей непринужденной роскоши – босой, без рубашки, в тех самых свободных штанах, что так непохожи на его безупречные деловые костюмы. Свет из прихожей мягко обрисовал контуры его торса – каждый мускул, каждую впадинку между ребрами, каждый изгиб ключицы, будто выточенной из тёплого мрамора.

Его улыбка не была торжествующей. В ней не было ни капли «я же знал» – только чистая, неподдельная радость, словно он увидел не просто женщину, а что-то гораздо большее. Он отступил назад, давая ей войти, и в этом движении была вся его суть – он никогда не загонял в угол, лишь приглашал следовать за собой.

Она переступила порог. Её деловой костюм – чёрная юбка-карандаш, блузка, слегка помятая за день, – казался теперь ещё более контрастным на фоне его расслабленной наготы. Каблуки мягко стукнули по паркету, когда она наклонилась, чтобы расстегнуть пряжки. Он наблюдал, как её пальцы ловко справляются с ремешками, как изгибается спина под тонкой тканью блузки.

– Это твой обычный домашний наряд? Или ты ждал меня?

Её голос звенел, как бокал с шампанским – игриво, с лёгкой дрожью смеха где-то в глубине.

Он не ответил сразу. Его губы лишь чуть сильнее растянулись в улыбке, когда он произнес, и его голос был похож на шелест страниц любимой книги:

– Все только для тебя, Каролина.

Она приблизилась. Её ладонь легла на его грудь – прохладная, чуть дрожащая, но уверенная в своем праве быть здесь. Пальцы скользили вниз, исследуя каждый рельеф, каждую линию, будто заново открывая карту его тела.

– Как далеко простирается твоя самоуверенность?

Он молчал. Его глаза, обычно такие холодные, сейчас казались тёмными, как ночное море, говорили за него. В них было столько желания, что Каролина почувствовала, как под её пальцами участился его пульс.

И тогда она сделала шаг в сторону. Её рука скользнула вдоль резинки его штанов, едва касаясь кожи, прежде чем оборвать этот контакт. Она прошла мимо него, оставив за собой шлейф дорогих духов и обещание, что игра только началась.

Он развернулся медленно, как хищник, не спешащий догонять добычу, потому что знает – она сама приведет его туда, куда нужно. Его босые ступни бесшумно ступали по паркету, следуя за ней в гостиную. Он давал ей пространство, время, возможность сделать следующий ход. Потому что в этой игре правила диктовала она. А он лишь с нетерпением ждал, чем всё это закончится.

Она медленно скользила взглядом по интерьеру, будто впервые видя эти стены, хотя каждая линия пространства уже была выгравирована в её памяти. Строгие минималистичные полки, приглушенное золотистое освещение – всё дышало его вкусом, его сущностью. Но сегодня она искала что-то новое, какую-то деталь, способную раскрыть его с неожиданной стороны.

И тогда книга. Тонкий переплет в тёмно-синей обложке, лежащий на диване так небрежно, будто её только что отложили. Она взяла её в руки, ощутив под пальцами гладкость кожицы переплета, и губы её дрогнули в усмешке.

– Никколо Макиавелли. «Государь».

Голос её звучал насмешливо-нежным тоном, в котором читалось: «Конечно, что же ещё?»

Она подняла глаза на него, поймав его взгляд – тёплый, живой, лишённый привычной холодной расчетливости.

– И сколько раз ты её уже прочел?

Он приблизился, и его пальцы – длинные, умелые – коснулись её рук, когда забирал книгу. Намеренно задержавшись на секунду дольше, чем было нужно.

– Я не веду статистику.

Она закатила глаза, но в уголках губ играла улыбка.

– Что-то я сомневаюсь.

И тогда он рассмеялся – искренне, глубоко, так, как смеются только те, кто давно не боится быть настоящим. В этом смехе не было ни капли делового Дэниела Грэма – только человек, который вдруг открыл перед ней ещё одну дверь в свой мир.

И это притягивало её, как магнит.

В следующее мгновение книга вылетела из его рук – она резко выхватила её и швырнула на диван, где та бессильно раскрылась на случайной странице. А потом её руки вцепились в него. Пальцы впились в его затылок, резко притягивая к себе. Их губы встретились в поцелуе, который был больше похож на битву – диком, страстном, лишённом всяких правил. Он ответил ей с той же яростью, руки его сомкнулись на её талии, прижимая к себе так крепко, что она почувствовала каждый мускул его тела через тонкую ткань блузки.

И вдруг – она оттолкнула его. Её дыхание было прерывистым, губы слегка опухшими от поцелуя.

– Хочу увидеть спальню.

В его глазах вспыхнул протест. Он был на грани – его тело напряглось, пальцы сжались в кулаки, будто пытаясь удержать то, что она так легко отняла. Но через секунду он лишь глубоко выдохнул, приняв её правила.

– Как пожелаете, мисс Спаркс.

Его голос звучал низко, хрипло, с той самой ноткой, которая заставляла её кожу покрываться мурашками.

Он жестом указал на дверь у дальней стены гостиной. Она развернулась и направилась туда, чувствуя его взгляд на своей спине – горячий, тяжёлый, полный обещаний.

Она открыла дверь и переступила порог. Пара секунд и он уже стоял рядом, щелчок выключателя и спальня озарилась мягким светом. И мир вокруг изменился.

Спальня встретила её холодным величием, словно кристалл, выточенный из ночи и льда. Панорамное окно, чёрное как бездна, растворялось в темноте за стеклом, лишь где-то внизу мерцали огни города – далёкие и ненужные здесь. Белые стены не казались стерильными – они дышали теплом приглушенного света, падавшего от двух лаконичных светильников по бокам кровати.

А кровать...

Массивная, из чёрного дерева, с вертикальными рейками спинки, напоминала то ли тюремную решетку, то ли искусно сделанную клетку для тех, кто добровольно согласился в ней оказаться. Между реек проглядывала вторая часть спинки – гладкая, полированная, без единой резной завитушки, без попытки смягчить свою строгость. Постельное бельё угольного оттенка переливалось шёлковистыми бликами, будто поверхность глубокого озера в лунную ночь.

Ничего лишнего. Ни тумбочек, ни стульев, ни случайных предметов – только пространство, дышащее минимализмом и какой-то почти болезненной чистотой линий.

И тогда она увидела рисунок.

Вся стена напротив кровати была расписана угольным карандашом – не фотообои, не печать, а чья-то кропотливая, одержимая работа. Горный пейзаж. Величественный, холодный, застывший в своём неприступном величии. Вершина вздымалась к небу острыми гранями, словно клык, готовый разорвать облака.

Она замерла, пытаясь вспомнить.

– Маттерхорн, – произнес он тихо, всё ещё стоя в дверном проеме.

Голос его звучал так, будто он не просто назвал гору – а прикоснулся к чему-то личному, сокровенному.

Она кивнула.

Да, конечно. Эта европейская вершина была узнаваема с первого взгляда – её острый профиль, её дерзкий взлет, её одиночество.

Рисунок дополнял комнату, будто был её продолжением – чёрно-белый, как и всё здесь, но в этих штрихах чувствовалась страсть. Кто-то часами выводил эти линии, штрих за штрихом, вкладывая в них что-то большее, чем просто изображение.

Она обернулась к нему. Он стоял в дверях, залитый мягким светом из гостиной, его силуэт – чёткий, как контур той самой горы. Спокойный. Уверенный. Ждущий.

И в этот момент комната, казавшаяся сначала такой аскетичной, вдруг наполнилась оттенками – не цветами, нет, а чем-то более глубоким. Отблесками его взгляда, теплом его кожи, шёпотом его дыхания где-то так близко...

Здесь все было пропитано им. Даже воздух. Даже тишина. Даже эта гора на стене, которая теперь смотрела на них обоих.

– Тебя влекут горы, Дэниел? – голос её звенел игривыми нотками, пока глаза скользили по угольному пейзажу на стене.

Он двинулся к ней, каждый шаг – точный, как удар часового механизма.

– Меня влекут красивые формы, – ответил он, и в его голосе плескалась та самая тёмная сладость, что заставляла её кожу вспыхивать.

Он остановился в сантиметре, не касаясь – его дыхание уже обжигало её губы, но руки оставались в стороне. Он ждал. Ждал, пока она сама не даст то, что он хотел взять.

И она дала.

– На этот раз застёжки спереди, мистер Грэм, – её губы изогнулись в лукавой улыбке, а пальцы скользнули по своей блузке, – Похоже, в этот раз я смогу смотреть тебе в глаза.

Этого было достаточно. Его руки – обычно такие точные, расчётливые – теперь двигались с лихорадочной поспешностью. Пуговицы блузки расстёгивались под его пальцами, как спелые плоды, падающие от лёгкого прикосновения. Ткань соскользнула с её плеч, обнажая кожу, уже покрытую мурашками от одного только его взгляда.

А потом его губы. Они опускались на неё, как искры, оставляя следы, которые она будет чувствовать завтра – на сгибе шеи, где пульс бился, как пойманная птица; на мочке уха, которую он зажал между зубами, заставив её вскрикнуть; на ключице, где его язык вычертил линию, по которой её тело вспыхнуло, как сухая трава.

Он не просто хотел её. Он хотел запечатлеть себя на ней – в каждом вздохе, в каждом содрогании, в каждом неконтролируемом движении её бедер, когда его пальцы впивались в её кожу.

И потом – постель.

Они рухнули на прохладный шелк, и угольные простыни вмиг стали горячими под их телами. Его руки – сильные, неумолимые – прижали её, не оставляя шанса на отступление.

Это была не просто страсть. Это было освобождение – всех тех взглядов, что они украдкой бросали друг на друга в переговорных; всех тех слов, что так и не были сказаны; всех тех ночей, когда они оба представляя именно это.

И теперь, когда его губы нашли её губы, а их тела слились в одном порыве, гора на стене наблюдала за ними – холодная, неприступная, и все же... На мгновение покорённая.

Тишина спальни наполнилась лишь их прерывистым дыханием – тяжёлым, горячим, ещё не успевшим успокоиться после бури страсти. Его губы прикоснулись к её уху, и шёпот, обжигающий, как всполох пламени, прошёлся по её коже:

– Даже не вздумай сейчас сбежать. Вечер только начался.

Он поднялся с постели – его силуэт, очерченный мягким светом, казался ещё более рельефным теперь, когда каждая мышца была расслаблена и в то же время напряжена от недавнего наслаждения. Он двинулся к двери, ведущей, судя по всему, в ванную – каждый его шаг был плавным, уверенным, будто даже сейчас, в этой интимной наготе, он оставался всё тем же неоспоримым властителем пространства вокруг.

Каролина перевернулась на живот, уткнувшись лицом в подушку, которая всё ещё хранила его запах – смесь дорогого парфюма, кожи и чего-то неуловимого, что было присуще только ему. Её руки обхватили шелковистую ткань, а взгляд, полуприкрытый тяжёлыми веками, не отрывался от двери.

«Еще один раунд? Почему бы и нет...»

Мысль проскользнула, как кошачья лапа, – игривая, но не лишённая остроты. Она знала, что вечер и правда только начался... но также знала, что позже она уйдет. Это было решено.

И тогда дверь открылась. Её губы сами собой растянулись в улыбке – вид и вправду был шикарный.

Он стоял на пороге, освещенный золотистым светом, вода ещё блестела на его плечах, стекая по рельефу пресса. Его волосы, обычно столь безупречные, теперь были слегка взъерошены, а в глазах читалось то самое – желание, которое не утихло, а лишь разгорелось с новой силой.

Он не говорил ни слова. Но его взгляд говорил за него – горячий, требовательный, полный обещаний. И она уже чувствовала, как где-то внизу живота снова загорается знакомое тепло... Вечер и правда только начался.

Каролина резко распахнула глаза, когда первые лучи солнца, словно золотые нити, коснулись её лица. Она потянулась с непривычной нежностью, но в следующее мгновение тело напряглось, осознание ударило как ледяной душ – это не её кровать, не её простыни, не её спальня.

Она резко села, шелковистая простыня соскользнула с обнаженных плеч, а взгляд устремился к панорамному окну. Восточная стена, обращенная к восходящему солнцу, превратила комнату в волшебный калейдоскоп. Маттерхорн, вчера лишь угольный силуэт, теперь пылал – розовые и золотые лучи играли на его вершине, словно зажигая ледяную корону. Пейзаж ожил, стал объёмным, почти осязаемым, и на мгновение она забыла, где находится.

«В какой момент я уснула?» – пронеслось в голове. Она же собиралась уйти!

– Проклятье – сорвалось с губ шёпотом, но даже в этом слове не было настоящей злости. Глубокий вдох. Что случилось – то случилось.

Она спустила ноги с кровати, прохладный паркет встретил босые ступни, и направилась к двери в центре стены. Дверь открылась беззвучно, и перед ней возникло небольшое пространство-перекресток: налево – гардеробная, направо – ванная.

Ванная. Она шагнула внутрь, и воздух встретил её свежестью – лёгкий аромат эвкалипта и чего-то древесного, едва уловимый, но стойкий. Комната была залита мягким светом. Стены были выложены крупной плиткой цвета морской волны, матовые, почти бархатистые на вид. Тёплый пол под ногами, полированный бетон с едва заметным мраморным узором.

Главная деталь – ванна. Не просто ванна, а утопленная в пол прямоугольная чаша из чёрного оникса, такая глубокая, что казалось, будто она наполнена не водой, а самой ночью. По краю – тонкая медная окантовка, уже слегка потускневшая от времени, добавляющая тепла холодному камню.

Душ отделяла стеклянная перегородка – не просто лист стекла, а цельное полотно с едва заметным узором, напоминающим морозные узоры. Лейка – массивная, хромированная, с широкой платформой, на которой можно было разместиться вдвоём.

Один строгий умывальник, прямоугольный, из того же чёрного оникса, что и ванна. Над ним – зеркало во всю стену, в тонкой медной раме. На полочке под ним – всего три предмета: флакон парфюма – тёмное стекло, чёрная крышка, лаконичная этикетка; деревянная мыльница с куском мыла, от которого веяло кедром; стальная бритва с ручкой из эбенового дерева – опасная, острая, как и её хозяин.

Белоснежные, пушистые полотенца были сложены стопкой на подогреваемой полке.

Каролина подошла к умывальнику, её отражение в зеркале было слегка размытым – расчёсанные рыжие волосы, следы от подушки на щеке, губы, слегка припухшие от вчерашних поцелуев.

Она глубоко вдохнула и повернула кран. Вода хлынула, сначала ледяная, заставляя её вздрогнуть, но быстро став тёплой, почти обжигающей. Она умылась, смывая остатки ночи, но зная, что некоторые следы не сотрёт никакая вода.

Ванная, как и спальня, дышала им. Каждая деталь, каждый материал, каждый запах – всё говорило о Дэниеле. О его вкусе, его контроле, его страсти к совершенству. И, стоя здесь, Каролина понимала – что бы ни случилось дальше, эта ночь уже изменила всё.

Гардеробная встретила её строгим порядком и роскошной простотой. Пространство, вытянутое в длину, было залито мягким светом, льющимся из скрытых за потолочными карнизами LED-лент. Стены, обитые тканью глубокого графитового оттенка, создавали ощущение кокона – частного, почти интимного.

Костюмы. Они висели безупречными рядами, словно солдаты на параде – чёрные, как полночь в безлунную ночь; серые, как лондонский туман; тёмно-синие, напоминающие глубины океана. Каждый на своем месте, каждый на деревянных вешалках одинаковой формы.

Рубашки. Разложенные на полках с математической точностью. Белоснежные – хлопок высочайшей пробы, шелковистые на ощупь. Серые – лён, дышащий и благородный, с едва уловимой текстурой. Чёрные – атлас, переливающийся, как крыло ворона. И несколько синих – от небесного до полуночного оттенка.

Несколько футболок для бега, сложенных с армейской аккуратностью. Штаны из той же дышащей ткани, что были на нем вчера – серые, свободные. Все – функциональное, дорогое, без ярлыков, но узнаваемое по крою.

На отдельной вешалке – два пальто: одно чёрное, прямое, без единой лишней детали; другое – серое, с едва заметной текстурой кашемира. Рядом – ветровки для пробежек, лёгкие, словно вторая кожа.

Внизу ряды безупречных оксфордов и лоферов – чёрных, коричневых, двух оттенков синего. И несколько пар беговых кроссовок – последние модели, чистые, будто никогда не касались асфальта.

Каролина провела пальцами по вешалкам, ткань шепталась под её прикосновениями. Выбор пал на чёрную атласную рубашку – она скользнула в рукава, ощущая, как прохладный шелк ласкает кожу. Пуговицы она застегнула небрежно – ровно настолько, чтобы сохранить достоинство, но оставить намек. Грудь дышала свободно, линия декольте змеилась соблазнительной тенью.

Последний взгляд в зеркало. Отражение улыбнулось ей – немного чужое в этой мужской одежде, но от этого ещё более манящее.

Дверь в гостиную манила. Она потянулась к ручке...

Гостиная плавно перетекала в кухню, и Каролина замерла на мгновение, наблюдая за ним. Дэниел стоял у плиты, его спина в белоснежной футболке, чуть свободной, но всё равно обрисовывающей каждый рельеф мышц, была обращена к ней. Он двигался у плиты с той же уверенностью, с какой вел переговоры – точные, выверенные движения, будто даже приготовление завтрака было для него стратегией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.